ное сканирование рукописей с последующим размещением в Интернете). В большей мере я бы хотел иметь издание, предназначенное для филологов и историков и ориентированное на методы и издательские принципы классической филологии. Я рассчитываю в недалеком будущем предложить образец такого издания.

SLAVONIC RECEPTION OF BYZANTINE CANONICAL MISCELLANIES

L. BURGMANN

The report contains a review of the Medieval Slavonic translations of Byzantine law miscellanies. The translation of Byzantine Law into the Slavonic language continued for centuries, the foundation being laid by Saint Methodius († 885), the Apostle of the Slavs, who is credited by a scientific tradition with translating of the canonical "Synagoge of 50 titles' by John the Scholastic (VI c.). In Bulgaria the translation of the Byzantine "Syntagma of 14 titles" was made in the 10th c., in Serbia "Nomocanon" by St. Sabba was translated in the 13th century. Lastly, "Collectio alphabetica" by Matthaeus Blastares was translated in Serbia in the 14th century. The two latter translations don't have any profound scientific publications, which are long overdue.

[1] Пер. с немецкого и библиографические дополнения К.А. Максимовича.

[2] Nomocanon L titulorum // Bibliothecae iuris canonici veteris tomus secundus... operae et studio Gulielmi Voelli... et Henrici Iustelli, Christophori F. Lutetiae Parisiorum, 1661. P. 603-660 (современное критическое издание памятника отсутствует).

[3] *Burgmann L., Fögen M.Th., Schminck A., Simon D.* (Hrsg.). Repertorium der Handschriften des byzantinischen Rechts. Teil I. Die Handschriften des weltlichen Rechts (Nr. 1-327). Frankfurt am Main, 1995 [= Forschungen zur byzantinischen Rechtsgeschichte, hrsg. von Dieter Simon. Bd. 20].

[4] Ioannis Scholastici Synagoga L titulorum ceteraque eiusdem opera iuridica. Ed. V. Beneš evič. T. I. München, 1937. Славянский перевод: Vaš ica J. Nomokánon // Magnae Moraviae Fontes Historici. IV. Brno, 1971. S. 205-363.

[5] Ecloga. Das Gesetzbuch Leons III. und Konstantinos' V. Hrsg. von Ludwig Burgmann. Frankfurt am Main, 1983 [= Forschungen zur byzantinischen **Rechtsgeschichte. Bd. 10**].

[6] *Максимович К.А.* ⷀⷁⷦⷈⷘ ⷋⷈⷨⷆⷖⷘⷍⷂⷖ ⷅⷘⷆⷖⷘⷢ. Источниковедческие и лингвистические аспекты исследования славянского юридического памятника. М., 2004. С. 53-56.

[7] *Бенешевич В.Н.* Древне-славянская кормчая XIV титулов без толкований. Т. I. Вып. 1-3. СПб., 1906-1907 [репринт: Leipzig, 1974].

[8] *Бенешевич В.Н.* (Л.А. Герд, Я.Н. Щапов) // Православная энциклопедия. Т. IV: Афанасий – Бессмертие. М., 2002. С. 619-621.

[9] *Бенешевич В.Н.* Древнеславянская кормчая XIV титулов без толкований. Т. II. / Подгот. к изд. и снабжен доп. Ю.К. Бегуновым, И.С. Чичуровым и Я.Н. Щаповым. София, 1987.

[10] *Троицки С.В.* Како треба издати Светосавску Крмчију <Номоканон са тумаченьима>. [= Српска Академија наука. Споменик 102. Одельенье друштвених наука. Нова серийа 4]. Београд, 1952.

[11] *Burgmann L.* Der Codex Vaticanus graecus 1167 und der serbische Nomokanon // Зборник радова Византолошког института, кн. XXXIV. Београд, 1995. S. 91-106.

[12] *Новаковић С.* Матије Властара Синтагмат. Београд, 1907.

Максимович К.А.
(ИРЯ РАН, ПСТГУ)

ДРЕВНЕЙШИЙ СЛАВЯНСКИЙ «НОМОКАНОН» МЕФОДИЯ: ИСТОРИЯ И ПЕРСПЕКТИВЫ ИЗУЧЕНИЯ

Древнейший (моравский) период славянской книжности продолжался по историческим меркам недолго – всего лишь чуть больше 20 лет (863-885). В это время были сделаны переводы с греческого важнейших богослужебных текстов и заложены основы славянского книжно-письменного языка. В науке традиционным приоритетом пользовалось изучение библейских переводов, восходящих к этому времени. Однако деятельность в Моравии архиепископа Мефодия не сводилась к распространению богослужения на славянском языке. Церковная и социальная организация моравского общества требовала также юридического оформления посредством особых правовых кодексов. Один из таких кодексов – светский законодательный сборник, получивший название «Закон судный людем», – сохранился в большом количестве древнерусских списков (более 50). Канонический сборник, предназ-

наченный для церковного использования, также сохранился до наших дней. За ним укоренилось название «Номоканон Мефодия» (далее НМ).

НМ представляет собой перевод византийского сборника канонов, известного в науке под названием «Собрание в 50 титулах» Константинопольского патриарха Иоанна Схоластика (565-577). Уже с 60-х г. XIX в. (А.С. Павлов) научная традиция единогласно приписывает авторство перевода святителю Мефодию. В самом деле, согласно главе 15 паннонского Жития Мефодия, последний перевел с греческого языка некий «Номоканон». По всей вероятности, именно этот перевод дошел до нашего времени в составе двух русских кормчих, которые хранятся в НИОР РГБ. Речь идет об Устюжской кормчей XIII-XIV вв. (РГБ, ф. 250 (Рум.), № 230 – далее: U)[1] и Иоасафовской кормчей XVI в. (РГБ, Фунд. 54 – далее: J).

Основоположник научного изучения славянских юридических переводов Г.А. Розенкампф предположительно локализовал перевод «Сборника 50 титулов» Иоанна Схоластика в Болгарии и датировал его концом IX в.[2] Автор убедительно доказывает, что славянский перевод правил Иоанна Схоластика был сделан раньше перевода византийского «Сборника в 14 титулах», автором которого Розенкампф в соответствии с традицией того времени считает константинопольского патриарха Фотия (858-867, 877-886 гг.), ср.: «Фотий в 886 году во вторый раз низложен с патриаршескаго престола; следовательно, Номоканон его вошел в общее употребление не прежде, как имя его было восстановлено в списке патриархов... въ царствование Константина Багрянороднаго, и Романа, по составлению *изложения рекше воспоминания бывшаго церковнаго соединения*, составляющаго главу 52 печатной Кормчей. По сим обстоятельствам, собрание Иоанна Схоластика долженствовало переведено быть прежде Фотиева, и вероятно, при преемниках сего последняго, и именно, при патриархах: Стефане, Антонie, и Николае Мистике, которые все продолжали попечение свое о болгарской церкви. Мнение сие, по видимому, подтверждается сравнением самаго слога и языка, употребленнаго в переводе собрания Фотиева»[3]. Во многом верные рассуждения Г.А. Розенкампфа в значительной мере обесценивались тем обстоятельствам, что ему не был известен древнейший славянский список «Синтагмы 14 титулов без толкований» – «Ефремовская кормчая» XII в. (Москва, ГИМ, № 227). По этой причине Г.А. Розенкампф считал древнейшим переводом «Фотиевского» сборника сербский толковый перевод XIII в. «Синопсиса канонов» (Псевдо)-Стефана Эфесского в редакции византийского юриста XII в. Алексея Аристина[4].

Первое профессиональное заключение о языке НМ принадлежит виднейшему русскому слависту первой половины XIX в. А.Х. Востокову, который писал в своем «Описании русских и словенских рукописей Румянцовского Музеума» об Устюжской кормчей: «язык перевода во многих местах сохранен древнейший, по коему несомненно заключать можно, что сие собрание церковных законов есть первое на языке словенском...»[5].

Крупный русский канонист второй половины XIX в. А.С. Павлов также был склонен считать первым славянским номоканоном перевод «Сборника 50 титулов» Иоанна Схоластика. Создание этого перевода Павлов приписал св. Мефодию, сославшись на Паннонское житие последнего[6]. Анализируя состав Устюжского списка, Павлов отметил, что наличие в нем статей болгарского происхождения свидетельствует о бытовании НМ у болгар[7]. Далее Павлов замечает, что Устюжская кормчая не содержит русских статей и, следовательно, была переписана прямо с болгарского оригинала. Как видно из нашего анализа состава Устюжской кормчей[8], русские статьи в ней присутствуют, а значит, последнее замечание Павлова не соответствует действительности.

Основополагающее значение для изучения рукописной традиции НМ имеет капитальное исследование И.И. Срезневского о древнерусских кормчих книгах. Вслед за Востоковым Срезневский обратил внимание на древность языка НМ, а кроме того подробно, по главам, описал состав и источники Устюжской и Иоасафовской кормчих[9] и составил полный перечень канонов, вошедших в НМ[10]. Срезневский первым установил, что многие каноны НМ «дословно или почти дословно сходятся с соответствующими местами Ефремовской кормчей». Правда, в подтверждение он привел лишь один пример – Халк. 12 и ограничился кратким замечанием, что «переводы некоторых канонов из одной книги переписаны в другую»[11]. В Приложении к своему труду И.И. Срезневский впервые издал полный текст НМ по U с наиболее важными разночтениями по J и ценными примечаниями текстологического характера[12].

Несколько содержательных страниц посвятил НМ историк русской Церкви Е. Голубинский. В своем компендиуме по истории Русской Церкви Голубинский уверенно приписывает перевод «Сборника 50 титулов» Мефодию. В доказательство своего тезиса он ссылается не только на известное место жития Мефодия, но и на лексику «Номоканона», в частности, на западное слово стрижьникъ «священник». Перевод собрания Схоластика Голубинский справедливо называет более древним, чем перевод канонического «Сборника 14 титулов», поскольку сборник Схоластика менее полный и потому не имело смысла делать его перевод, если бы на славянском языке уже существовал «Сборник 14 титулов»[13]. В рассуждениях Голубинского содержится лишь одна неточность, для его времени простительная, – он постоянно называет «Сборник (Синтагму) 14 титулов» «Номоканоном 14 титулов», в то время как последний представляет собой совершенно особый юридический памятник, переведенный на славянский язык гораздо позднее и лишь частично[14].

В своей большой статье о церковнославянских памятниках моравского происхождения А. И. Соболевский, смешивая двух близких по времени византийских патриархов Иоанна III Схоластика (565-577) и Иоанна IV Постника (592-595), приписывает Мефодию перевод «Номоканона Иоанна Постника», который также сохранился в Устюжской кормчей[15] – однако в итоговой работе 1910 г. ученый поправил сам себя и говорил уже о «той редакции номоканона (Иоанна Схоластика), которая, по всей вероятности, переведена в Моравии при первоучителе Мефодии и о которой упоминает житие Мефодия»[16]. Вслед за И.И. Срезневским ученый справедливо указал на то обстоятельство, что в текст некоторых канонов НМ были внесены интерполяции из более позднего перевода. Автор указал также на лексическую неоднородность НМ, в котором наблюдается варьирование древнего и более нового лексических слоев, ср. правыа вѣра – православныа вѣра, папежь – папа, кънигъı – грамотъı, съньмъ – съборъ – съньмище и др.[17] Соболевский специально отметил далеко идущую свободу, с которой был исполнен перевод, в результате чего многие каноны были опущены, а некоторые изменили свой смысл[18]. Соболевский также составил краткий славяно-греческий указатель лексики памятника[19].

Выдающийся исследователь византийского права М. Бенеманский полагал, что НМ не имел широкого распространения в Древней Руси, так как, с одной стороны, Устюжская кормчая якобы не имеет в своем составе статей русского происхождения, а с другой – ни в одном памятнике русского канонического права XI-XII вв. не обнаруживается влияния НМ[20]. Отвлекаясь от по сути неверного утверждения Бенеманского об отсутствии в Устюжском списке русских статей, можно признать, что следы использования НМ на Руси действительно весьма немногочисленны, тем не менее, едва ли можно говорить об их полном отсутствии.

В. Ягич, хотя вплотную и не занимался исследованием НМ, все же отметил в своей монографии (1900), что перевод греческого «Сборника 50 титулов» на славянский язык «очень древний» (uralt) и, по всей вероятности, восходит к Мефодию[21].

Крупнейший русский исследователь византийских номоканонов В.Н. Бенешевич писал о НМ, опираясь на работы И.И. Срезневского и А.И. Соболевского и одновременно отталкиваясь от них. Так, споря с названными учеными, Бенешевич полагал, что пропуск многих канонов «Сборника 50 титулов» в Устюжской и Иоасафовской кормчих следует объяснять не избирательным отношением переводчика (которым он по традиции считает Мефодия) к оригиналу, а вмешательством позднейших редакторов, сокративших изначально полный перевод[22]. Однако в свете работ С.В. Троицкого (см. ниже) мнение Бенешевича не выглядит убедительным, по крайней мере, нет ни малейших следов какого-то более полного славянского текста НМ, чем тот, который сохранился в двух русских кормчих. Сделанное Бенешевичем постатейное описание Устюжской кормчей[23] опиралось на предшествующие описания И.И. Срезневского и Е. Голубинского и в настоящее время полностью устарело. Величайшей заслугой Бенешевича явилось критическое издание греческого оригинала НМ («Сборника в 50 титулах») по 31 списку[24]. Этот блестящий труд, и сегодня вызывающий искреннее восхищение специалистов, был эффективно использован чешским исследователем Йосефом Вашицей в его (также лучшем на сегодняшний день) издании славянского текста НМ (см. ниже).

Видный исследователь древнеболгарского права болгарский историк С.С. Бобчев, как и его предшественники, с доверием относился к известию Жития Мефодия о переводе но-

моканона старшим из славянских братьев-первоучителей[25]. Правда, он так и не решил для себя вопрос о том, какой именно византийский сборник перевел Мефодий – 50 титулов Иоанна Схоластика или Синтагму 14 титулов без толкований[26]. (Здесь уместно отметить, что этот вопрос не решается методами классической исторической науки; дать на него обоснованный ответ способен только филолог-славист – такой как И.В. Ягич или А.И. Соболевский.)

Язык НМ наиболее подробно исследовал в небольшой (120 страниц), но весьма содержательной монографии 1922 г. ученик М. Фасмера Х.Ф. Шмид[27]. Как следует из заглавия монографии («Мефодиевский перевод Номоканона») и открывающей ее программной ссылки на гл. 15 жития Мефодия, автор признает перевод византийского «Сборника 50 титулов» делом старшего из славянских братьев-первоучителей. Шмид отмечает частичную порчу и редактирование текста НМ при переписке (S. 2), приводит (вслед за И.И. Срезневским) полный список канонов НМ (S. 16-19), анализирует некоторые испорченные чтения U (S. 19-21). Немецкий славист подробно изучил орфографию древнейшего списка НМ (U) и сделал обзор морфологических (архаичные формы аориста и активных причастий) и некоторых синтаксических явлений реконструируемого архетипа. Особую ценность для изучения лексики и переводческой техники НМ имеют приводимые Х. Ф. Шмидом греческие и латинские лексемы, отразившиеся в переводе в виде заимствований (S. 93-111). На основе лингвистического изучения памятника Шмид приходит к заключению о глаголическом архетипе НМ и наличии в тексте языковых моравизмов – мьша, мьшьнъıи, крижьмо, стрижьникъ и др. (S. 110, 117-119). Абсолютно справедливым можно признать окончательный вывод исследователя: поскольку переводы с греческого в Моравии делались только при Мефодии, моравский архетип Номоканона следует также приписать инициативе Мефодия, если не ему самому. Свою монографию ученый заключает словами: «Только рожденный в Греции иерарх и организатор Моравской Церкви архиепископ Мефодий мог иметь надобность и найти применение переводу Схоластиковой Συναγωγή... Сам факт наличия Румянцевского (т.е. Устюжского. – *К.М.*) списка является блестящим подтверждением надежности Паннонского жития Мефодия в том, что касается данных о переводческой деятельности святого» (S. 120)[28].

С высоты науки сегодняшнего дня труд Шмида обладает лишь одним недостатком – в качестве греческого оригинала НМ используется не превосходно изданный В.Н. Бенешевичем «Сборник 50 титулов» (во времена Шмида этого издания еще не было), а во многом несовершенное издание соборных канонов Ж.Б. Питра[29]. Х.Ф. Шмид планировал также отдельное исследование лексики НМ в сопоставлении с древнеболгарским Номоканоном («Ефремовской кормчей»)[30], однако, насколько известно, это исследование (если оно вообще состоялось) не было опубликовано.

В рецензии на работу Шмида В.Н. Бенешевич указывал на желательность сопоставления отдельных фрагментов текста НМ с Ефремовской кормчей, в которой соответствующие места во многом повторяют НМ[31]. Сам Шмид впоследствии отмечал, что в его время предпосылки для такого исследования еще не созрели, поскольку не вполне была ясна природа и происхождение каждого из сопоставляемых текстов[32].

Один из ведущих исследователей моравской юридической традиции С.В. Троицкий (Белград, Югославия) изучал НМ преимущественно с историко-юридической стороны[33]. Автор на основании свидетельства гл. XV Паннонского жития Мефодия уверенно приписывает создание номоканона Мефодию. Вслед за Й. Вашицей Троицкий отмечает, что перевод «Собрания 50 титулов» Иоанна Схоластика НМ сделан в сокращении. Предположение В.Н. Бенешевича, что первоначальный полный текст НМ до нас не дошел[34], автор без колебаний отвергает на том основании, что изменения внесены в 41 титул византийского сборника из 50, что не могло произойти случайно. Кроме того, в двух основных списках НМ, Устюжском и Иоасафовском, количество канонов одинаково, следовательно, они хорошо сохраняют первоначальный текст НМ[35]. Полемизируя с учеными католической ориентации, считавшими, что Мефодий опустил при переводе каноны, в которых не признается примат Римской Церкви (Й. Вашица, Ф. Гривец)[36], Троицкий указывает, что все обстоит как раз наоборот – опускались каноны, дающие основание признавать этот примат. Так, в переводе нет I Ник. 6, в котором признается юрисдикция Рима над западными епархиями, пропущены также очень важные для Рима каноны Сард. 3 (частично), 4, 5, устанавливаю-

щие апелляционные полномочия Римских пап, и Сард. 10, который Рим пытался использовать против Константинополя в конфликте с патриархом Фотием[37]. Хотя не вполне приемлемый для Западной Церкви канон Халк. 28 действительно не вошел в НМ, однако другой «неоднозначный» канон – Конст. 3 – в переводе присутствует. Кроме того, в переводе оказались 29 из 35 Апостольских канонов, не признаваемых Римской Церковью (Апост. 51-85), а также 34 канона Василия Великого, также не принятых Римом[38]. В славянском тексте Конст. 3, устанавливающего привилегии Римского епископского престола по отношению к Патриарху Константинополя, Троицкий обнаруживает любопытное отклонение от греческого оригинала: так, в греческой фразе τὰ πρεσβεῖα τῆς τιμῆς μετὰ τὸν Ρώμης ἐπίσκοπον «преимущество чести после Римского епископа»[39] предлог μετὰ + вин. п. в значении «после» переводится как μετά + род. п. в значении «вместе, с», ср.: Кост-нтин- оубо град(а) еп(и)с(ко)поу имѹти мольбы ч(ь)стьныа съ Римскымь еп(и)с(ко)п(о)мь[40]. При таком переводе коренным образом меняется смысл канона, поскольку происходит уравнивание прав Константинопольского и Римского престолов. В этом духе толковали данный канон также византийский канонист XII в. Алексей Аристин и безымянные авторы схолий к сборникам 14 и 50 титулов[41]. Действительно, в схолии к правилам II Вселенского Собора (и специально в толковании на Конст. 3) сказано, что предлог «после» следует понимать во временном смысле, как указание на то, что Константинополь возник позже Рима[42]. Кроме того, в схолии утверждается, что «преимущество чести», отдаваемое в каноне Константинополю, не может обозначать «второе место», так как строгий смысл понятия «преимущество» – это первенство и главенство. В доказательство своей правоты безымянный автор ссылается на 28-й канон Халкидонского Собора, в котором Константинополь наделяется равными правами с Римом. Интересно замечание Троицкого о том, что переводчик пропускал те каноны Антиохийского собора, которые повторяли каноны свв. Апостолов[43].

С.В. Троицкий сделал также очень ценные наблюдения над текстом канонов – так, некоторые из них (Апост. 4; Халк. 9; Сард. 11; Вас. Вел. 82) претерпели смысловые изменения при переводе с целью адаптации к условиям средневековой Моравии (там же, 46-47). Он указал также на ряд ошибок, допущенных при переписке НМ, и подчеркнул вслед за Шмидтом и Вашицей в целом очень высокое качество перевода[44].

Перевод Собрания Схоластика Троицкий локализует в Моравии и датирует временем до смерти Константина-Кирилла (869): поскольку в памятнике нет следов римской церковной практики или идеологии, перевод был сделан, вероятно, еще до первого визита братьев в Рим к папе Николаю I в 867 г.[45] Отметим, что подобная датировка вполне возможна, однако ничто не мешает датировать перевод и более поздним временем – например 70-ми годами IX в., когда Мефодий уже был (архи)епископом Паннонии. В самом деле, НМ чужда не только проримская, но и антиримская тенденция – рассмотренные выше случаи противоречия римско-католической церковной идеологии вполне объясняются тем, что Мефодий следовал более близкой ему византийской (Константинопольской) традиции в условиях, когда наступило осознание существенных литургических и догматических различий между христианским Западом и Востоком.

Представляется абсолютно правомерным и поставленный С.В. Троицким вопрос о том, почему для перевода был избран византийский «Сборник 50 титулов» Иоанна Схоластика, составленный во второй половине VI в. и не включавший в себя многие важные канонические тексты (например каноны VII Вселенского Собора, каноны Кирилла, Тимофея и Дионисия Александрийских, канонические письма Патриархов Геннадия и Тарасия и др.). В самом деле, в IX в. в Византийской Церкви действовали уже другие, более полные канонические сборники – «Синтагма 14 титулов» и «Номоканон 14 титулов», однако для перевода был избран более старый и краткий[46]. Длинные и ученые объяснения Троицкого (прежде всего, постулируемая неприязнь Мефодия к предполагаемому автору Номоканона Патриарху Сергию (610-638), разделявшему ересь монофелитов) демонстрируют хорошую осведомленность автора в истории византийского права, однако их обоснованность вызывает сомнения – как показывает выбор «Эклоги» императоров-иконоборцев для составления «Закона судного людем», моравский переводчик не заботился о том, были ли авторы переводимых им юридических текстов православными или нет. Скорее всего, решающим было удобство сборника, его достаточность для использования в недавно основанной церковной организации, компактность, простота и, не в последнюю очередь, авторитет в самой Визан-

тии[47].

Отдельное исследование посвятил НМ чешский славист Й. Вашица. В статье 1955 г., а затем в обширном введении к своему изданию НМ чешский исследователь затронул все основные проблемы, связанные с изучением памятника[48]. Ученый уверенно отождествляет славянский перевод византийского «Сборника 50 титулов» с упомянутым в Паннонском житии Мефодия «номоканоном» и справедливо относит этот номоканон к особому, «моравскому» типу[49]. Вашица впервые определил объем сделанных при переводе сокращений: так, из 377 канонов греческого оригинала переведено 235, опущено 142, т.е. 37, 5%, или более одной трети. Именно это обстоятельство ученый считает доказательством западного происхождения перевода, поскольку, по его мнению, Восточная Церковь не потерпела бы сокращения авторитетного церковно-юридического сборника[50]. Особое внимание уделяется текстологии памятника – анализируются некоторые различия списков U и J, причем в U автор отмечает некоторые фонетические среднеболгаризмы, свидетельствующие, по его мнению, о болгарском посредстве в рецепции НМ на Руси[51]. Вашица отмечает факт редактирования НМ по болгарской «Синтагме 14 титулов без толкований» (по нашей терминологии, «Древнеболгарский Номоканон») и предлагает стемму рукописей, отражающую примерную эволюцию НМ у славян[52]. Наиболее интересной и самостоятельной частью исследования Вашицы является глава о языке НМ, в которой проводится сопоставление языка НМ и ДБН, на отдельных примерах иллюстрируется техника перевода и некоторые языковые явления (прежде всего моравизмы), представленные в сохранившемся тексте НМ[53]. Интересны также дальнейшие рассуждения Вашицы, посвященные светско-правовой части византийских и славянских номоканонов, в частности, совершенно справедливо предполагается, что функции «номоса», т.е. сборника светского законодательства в составе Номоканона «моравского типа», мог выполнять и выполнял также созданный Мефодием «Закон судный людем». Об этом свидетельствуют, по Вашице, не только общеюридические соображения, но и многочисленные лексико-терминологические схождения обоих текстов[54]. В заключение автор (видимо, следуя примеру И.И. Срезневского и Х.Ф. Шмида, см. выше) приводит полный перечень церковных канонов в составе НМ с их нумерацией в славянских списках и в греческом оригинале[55].

Несмотря на то, что работу Вашицы следует в целом оценить очень высоко, в свете новейших исследований некоторые положения автора выглядят устаревшими. Так, не выдерживает критики тезис о «двух типах византийского номоканона», поскольку уже В.Н. Бенешевич выделял не менее трех типов (*синагога*, *синтагма* и собственно *номоканон*), а некоторые из них представлены в нескольких разновидностях. По нашим данным, сейчас уже можно говорить о примерно пяти разновидностях византийских юридических сборников, из которых четыре («Сборник 50 титулов» Иоанна Схоластика, «Синтагма 14 титулов» без толкований, ее «Синопсис» с толкованиями и «Номоканон 14 титулов») были полностью или частично переведены на славянский язык[56]. Тезис о том, что Восточная Церковь не позволяла сокращать церковные сборники, выглядит слишком упрощенным, поскольку среди византийских рукописей известно большое количество редакций различных церковно-правовых сборников, в том числе их сокращенные версии (достаточно назвать аристиновскую редакцию «Синопсиса» Пс.-Стефана Эфесского, в котором текст церковных канонов подвергся сильному упрощению).

Едва ли можно согласиться также с выводами автора относительно древнейших славянских глосс к 34 Апостольскому канону по версии латинского канонического сборника Hadriana aucta в латинском списке второй половины IX в. из монастыря св. Эммерама, ныне Cod. lat. Monac. 14. 008 («Святоимрамские глоссы»)[57]. Текст глосс, состоящий из пяти отрывочных слов, написанных по-славянски, но латинскими буквами (*isiku komusdo... imeti... be poveleni*), якобы заимствован безымянным славянским читателем из НМ[58]. Однако глоссы демонстрируют слишком слабое сходство с последним как в лексике, так и в грамматике (в тексте Апост. 34 по версии НМ полностью совпадает с глоссами только слово имути). Кроме того, неясно, почему славянский читатель, заимствуя текст НМ, писал его латиницей, а не глаголицей? Этот вопрос Вашица даже не поднимает. Между тем гораздо более вероятным выглядит другое объяснение – во время написания Святоимрамских глосс ни славянская азбука, ни НМ либо еще не были созданы, либо не были известны их автору, который просто пытался передать латинский текст 34 Апостольского канона на своем родном

языке единственным доступным ему алфавитом – латинским. При этом наличие в глоссах некоторых слов, идентичных версии НМ, следует объяснять просто-напросто сходством содержания Апост. 34 в НМ и в латинском сборнике Hadriana aucta.

Таким образом, вопреки Вашице глоссы, скорее всего, не имеют никакого отношения к бытованию НМ у западных славян. Наконец, те пассажи, в которых Вашица стремится доказать проримские и антивизантийские намерения Мефодия при выборе канонов для перевода, выглядят излишними, поскольку уже из работ С.В. Троицкого (см. выше) следует, что в сохранившемся тексте противоположные тенденции вполне уравновешивают друг друга. Следовательно, либо Мефодий как переводчик занимал совершенно нейтральную позицию по отношению к церковно-политическим центрам Европы[59], либо сохранившийся текст был «поправлен» безымянными редакторами в процессе бытования, и едва ли оправдано приписывать их работу Мефодию.

Безусловно крупнейшим научным успехом Вашицы следует признать превосходное издание НМ, вышедшее посмертно в 1971 г. в серии Magnae Moraviae fontes historic[60]. Текст памятника издан по двум основным спискам (U и J) с греческим оригиналом «Сборника 50 титулов» по изданию В.Н. Бенешевича и с учетом релевантных для славянского перевода греческих вариантов. Славянский текст сопровождается примечаниями текстологического и юридического характера, а также переводом на современный чешский язык. Единственным серьезным упреком изданию Вашицы может служить лишь отсутствие словоуказателя. В настоящее время требования к научным изданиям древнейших памятников настолько выросли, что уже вполне можно ставить вопрос о новом издании НМ – с новым исследованием, указателем слов и другими индексами в составе справочного аппарата.

В монографии греческого слависта Х. Папастатиса предпринят сравнительно-тематический анализ текста кирилломефодиевских источников – «Анонимной гомилии» Клоцова сборника, «Номоканона» Мефодия, «Закона судного людем», «Паннонских житий» Константина и Мефодия. В отличие от Вашицы, Х. Папастатис не использует в своей работе формальные (лингвистические и текстологические) данные, а прибегает только к содержательной аргументации. Поэтому его метод можно назвать «сопоставительно-филологическим», хотя и опирающимся на результаты формального анализа, достигнутые предшествующими исследователями. Как и Вашица, Х. Папастатис считает автором Номоканона первоучителя Мефодия. Греческий ученый впервые предпринял опыт датировки трех мефодиевских памятников: создание «Закона судного людем» Мефодием он относит ко времени моравской миссии еще при жизни Константина-Кирилла – между 863 и 866 гг., «Анонимная гомилия», в которой можно усматривать тематические переклички с «Законом судным людем», составлена позднее, между 873 и 879 гг., и, наконец, «Номоканон» переведен Мефодием после 883 г.[61]

В работах чл.-корр. РАН Я. Н. Щапова сделана попытка реконструировать историю обработок НМ на славянской и русской почве. Первоначально автор придерживался традиционной точки зрения о том, что греческий оригинал «Сборника 50 титулов» Иоанна Схоластика был сокращен уже в процессе перевода самим Мефодием[62]. Однако впоследствии Я.Н. Щапов изменил свое мнение в пользу гипотезы В. Н. Бенешевича, согласно которой сокращение НМ могло быть произведено на Руси[63]. В пользу данной гипотезы Я.Н. Щапов привел данные о сокращении на Руси Древнеболгарской кормчей. Сокращенную версию этой кормчей сохранили Уваровский (ГИМ, Увар. 124, XIII в., ср. СК XI-XIII, № 268) и Плигинский (РГБ, F. II.250, к. XV в.) списки, в которых опущены многие не актуальные на Руси правила[64]. Аналогичный подход редактора Я. Н. Щапов усматривает и в НМ по версии Устюжской и Иоасафовской кормчих[65].

Представляется, однако, что для столь далеко идущих выводов пока недостаточно оснований. Правда, НМ по версии Устюжской кормчей действительно подвергся на Руси некоторым сокращениям (так, были опущены повторяющиеся фрагменты титулов в оглавлении и в тексте НМ), однако эти сокращения едва ли могут претендовать на статус редакции. Создание сокращенной редакции Древнеболгарской кормчей на Руси также не является решающим аргументом, поскольку представляет собой лишь аналогию, против которой можно привести другие аналогии, например сокращение византийской «Эклоги» Мефодием непосредственно в процессе ее перевода для «Закона судного людем»[66].

Работами Щапова систематическое изучение происхождения и рукописной традиции

НМ практически заканчивается. За последние 30 лет можно назвать, пожалуй, лишь работы македонских исследовательниц Н. Драговой[67] и К. Илиевской[68]. Впрочем, ни одна ни другая работы не содержат нового материала, но лишь пересказывают предшествующие исследования.

Безусловного внимания заслуживает исследование австрийского слависта Х. Микласа, посвященное сербскому сборнику XIV в. библиотеки Preußischer Kulturbesitz в Берлине (так наз. «Берлинский сборник»). В одной из своих статей ученый отметил, что исследуемая рукопись содержит цитаты из НМ (гл. 1.105), епитимий Василия Великого и Феодора Студита, а также «Синтагмы 14 титулов без толкований» (Древнеболгарского номоканона). Эти цитаты, по Миклосу, происходят из русских списков, о чем свидетельствуют языковые и орфографические особенности их текстового окружения[69]. Миклас полагает, что объединение в одном сборнике НМ и фрагментов «Синтагмы 14 титулов» было произведено уже на Руси[70]. Этот русский номоканон (вероятно, один из предшественников U), по Миклосу, и был использован при составлении «Берлинского сборника»[71].

Одна из статей немецкого лингвиста Х. Кайперта посвящена использованию в НМ двух феноменов перевода – так называемого «двойного перевода» (Doppelübersetzung), при котором одному греческому слову соответствуют в славянском два слова, и синтаксического приема figura etymologica (выражения типа *горе горевать*, *дело делать*, *пропадать пропадом*, *криком кричать* т. п.). Автор указывает, что использование приема «двойного перевода» отличает НМ от древнейших евангелий, тем не менее он принимает традиционную точку зрения о переводе НМ в Моравии и, хоть и с оговорками, признает его автором Мефодия72. Первое в славянской книжности употребление феномена «двойного перевода», не характерного для древнейших евангелий, Кайперт склонен приписывать переводчику НМ – позднее этот прием был использован также в переводах Иоанна Экзарха[73].

В последние годы исследованием НМ с лингвистической (преимущественно лексикологической) стороны плодотворно занималась болгарская исследовательница Марианна Цибранска (Институт болгарского языка БАН, София). Ей принадлежит монография по лексике моравской юридической книжности («Закона судного людем» и НМ)[74].

В одной из своих последних работ о языке и рукописной традиции древнейших канонико-правовых текстов она анализирует различные способы передачи греческой юридической терминологии в правилах ап. Петра и Павла («Апостольские конституции») по версии Устюжской кормчей, сравнивает перевод отдельных греческих лексем в НМ, «Законе судном людем» и в сербском «Номоканоне св. Саввы»[75] и приходит к выводу о далеко идущем языковом сходстве правил Петра и Павла с НМ и «Законом судным людем»[76].

Таким образом можно констатировать, что в разнообразной по охвату авторов и длительной, почти 170-летней научной традиции изучения НМ царит полное единодушие относительно авторства перевода – начиная с А.С. Павлова (работа 1869 г.) создание памятника приписывается первоучителю Мефодию, и до сих пор не появилось ни одной специальной работы, которая бы ставила это авторство под сомнение. С другой стороны, в научной традиции имеется лишь несколько специальных лингвистических трудов, посвященных языку НМ, – это монографии Х.Ф. Шмида, Й. Вашицы и статьи Х. Кайперта и М. Цибранской. Из них характер систематического языкового исследования НМ носит только труд Шмида, вышедший более 80 лет назад и ныне во многом устаревший. На русском языке исследования языкового материала НМ полностью отсутствуют. Кроме того, по сей день остаются неисследованными такие важные вопросы, как принципы техники перевода, лексикология и эволюция текста НМ, а также его бытование и рецепция на Руси и в славянском мире. В подготовленном автором (но пока неопубликованном) историко-филологическом и историко-правовом исследовании НМ все эти и многие другие вопросы рассмотрены в широком культурном и языковом контексте и по мере возможности разрешены.

THE OLDEST SLAVONIC “METHODIUS’ NOMOCANON”: HISTORY AND PROSPECTS OF RESEARCH.

K. Maksimovitch

The report contains an analytical review of the whole scientific tradition of study and publication of the oldest Slavonic translation of the Byzantine “ Synagoge of 50 titles” by Constantinople Patriarch John the

Scholastic (565-577). For more than one hundred and fifty years of the scientific research the Slavonic translation has unanimously been ascribed to Saint Methodius, the Apostle of the Slavs. This view is grounded in Pannonia life of St. Methodius, where Methodius is mentioned as the translator of the "Nomocanon". According to the total data of the textual criticism, as well as language and translation techniques, it is this very "Nompcanon" that corresponds to the Slavonic translation of the "Synagoge of 50 titles" by John the Scholastic. The article deals not only with historical research, but also with linguistic study of the language peculiarities found in "Methodius' Nomocanon".

[1] Сводный каталог славяно-русских рукописных книг, хранящихся в СССР. XI-XIII вв. М., 1984. С. 374. № 476.

[2] *Розенкампф Г. А.* Обозрение Кормчей книги в историческом виде. СПб., 18392. С. 4.

[3] *Розенкампф*. Цит. соч. С. 44; Ср.: *Розенкампф [Г. А.].* Обозрение Кормчей книги в историческом виде. М., 1829. С. 49.

[4] *Розенкампф*. Цит. соч. (1829). С. 50-51, 54-55; *Розенкампф*. Цит. соч. (1839). С. 5; ср.: *Павлов А.С.* Первоначальный славяно-русский номоканон. Казань, 1869. С. 65; *Щапов Я.Н.* Византийское и южнославянское правовое наследие на Руси в XI-XIII вв. М., 1978. С. 118.

[5] *Востоков А. [Х].* Описание русских и словенских рукописей Румянцовского Музеума. СПб., 1842. С. 289 (в изд. ошибочно 279).

[6] *Павлов*. Цит. соч. С. 22-23.

[7] Там же. С. 24.

[8] *Максимович К.А.* ZAKONЪ SOUDЬNЪIJI LJUDЬMЪ. Источниковедческие и лингвистические аспекты исследования славянского юридического памятника. М., 2004. Приложение I.

[9] *Срезневский И.И.* Обозрение древних русских списков Кормчей книги // Сб. Отделения русского языка и словесности Императорской Академии Наук. СПб., 1899. Т. 65. № 2. С. 113-134.

[10] Там же. С. 119-123.

[11] Там же. С. 123-124.

[12] Там же. Приложения. С. 1-66.

[13] *Голубинский Е.* История Русской Церкви. Период первый. Киевский или домонгольский. М., 19012. Т. I. (переизд.: Slavistic Printings and Reprintings, 117/1. The Hague-Paris, 1969). С. 645-648.

[14] *Максимович К.А.* Византийская империя. Римско-византийское правовое наследие в православном мире // Православная энциклопедия. Т. VIII. Вероучение – Владимиро-Волынская епархия. М., 2004. С. 188-192, здесь: С. 190.

[15] *Соболевский А. [И].* Церковно-славянские тексты моравского происхождения // Русский Филологический Вестник. 1900. Т. 43. № 1-2. С. 150-217, здесь: С. 171.

[16] *Соболевский А.И.* Материалы и исследования в области славянской филологии и археологии // Сб. Отделения русского языка и словесности Императорской Академии Наук. СПб., 1910. Т. 88. № 3. С. 113.

[17] *Соболевский А. [И].* Церковно-славянские тексты... С. 165, прим. 1; *Он же.* Материалы и исследования. С. 142.

[18] Там же. С. 140-141.

[19] Там же. С. 144-153.

[20] *Бенеманский М.* Ὁ πρόχειρος νόμος императора Василия Македонянина. Его происхождение, характеристика и значение в церковном праве. Сергиев Посад, 1906. Вып. 1. С. 29.

[21] *Jagić V.* Zur Entstehungsgeschichte der kirchenslavischen Sprache // Denkschriften der Kaiserlichen Akademie der Wissenschaften in Wien. 1900. Bd. XLVII. I. S. 1-88, здесь: S. 46; То же – *Jagić V.* Entstehungsgeschichte der kirchenslavischen Sprache. Berlin, 1913. S. 83-84.

[22] *Бенешевич В.Н.* «Синагога» в 50 титулов и другие юридические сборники Иоанна Схоластика (К древнейшей истории источников права греко-восточной Церкви). СПб., 1914 (Leipzig, 1972r). С. 210-212.

[23] Там же. С. 202-210.

[24] Ioannis Scholastici Synagoga L titulorum ceteraque eiusdem opera iuridica / *Beneš ević V., ed.* München, 1937. T. I.

[25] *Бобчев С.С.* Старобългарски правни паметници. София, 1903. Ч. I. С. 134; *Он же.* История на старобългарското право. <Лекции и изследвания>. София, 1910 (1998r). С. 124-127.

[26] *Бобчев С.С.* Св. Кирил и Методий и най-раният старобългарски номоканон (Речь, четена от г. Г. Губиделников на тържествено събрание на Славянското Дружество на 11/24 май 1922 г.). София, 1923 (отд. оттиск). С. 9, 11.

[27] *Schmid H.F.* Die Nomokanonubersetzung des Methodius. Die Sprache der ksl. Übertragung der Συναγωγή des Johannes Scholasticus. (Veröffentlichungen des baltischen und slavischen Instituts an der Universität Leipzig, hrsg. von G. Gerullis und M. Vasmer; 1). Leipzig, 1922.

[28] Ср. *Schmid H.F.* Neuere Beiträge zur Frage nach der ältesten kirchenslavischen Nomokanonübersetzung // Zeitschrift für slavische Philologie. 1925. Bd. I. S. 198-210, здесь: S. 206-207.

[29] Iuris ecclesiastici graecorum historia et monumenta / Curante J. B. Pitra. Romae, 1864. Tom. I. Romae, 1868. Tom. II.

[30] *Schmid H.F.* Die Nomokanonübersetzung des Methodius... S. 13, Anm. 7.

[31] *Бенешевич В.Н.* Рец. на: *Schmid H.F.* Die Nomokanonübersetzung des Methodius. Die Sprache der ksl. Übertragung der Συναγωγή des Johannes Scholasticus (= Veröffentlichungen des baltischen und slavischen Instituts an der Universität Leipzig, hrsg. von G. Gerullis und M. Vasmer; 1). Leipzig, 1922 // Slavia. Roč. 1923/1924. S. 135-138, здесь: S. 137.

[32] *Schmid H.F.* Neuere Beiträge... S. 209.

[33] *Троицкий С.В.* Апостол славянства св. Мефодий как канонист // Журнал Московской Патриархии. 1958. № 3. С. 38-51; *Троицки С.В.* Спор старог Рима са новим на странама словенске Крмчије. Београд, 1960. (Српска Академија Наука. Посебна издања. Књ. 332). С. 31-41; *Он же*. Номоканон св. Мефодия и его важность за наше время // Симпозиум 1100-годишнина од смртта на Кирил Солунски. Кн. 1. Скопје, 1970. С. 261-273.

[34] *Бенешевич В.Н.* Синагога в 50 титулов... С. 210-211.

[35] *Троицкий С.В.* Апостол славянства св. Мефодий... С. 38, 40; *Он же*. Номоканон св. Мефодия. С. 264.

[36] Начиная с энциклики папы Льва III от 30 сентября 1880 г. *Grande munus* Римская Церковь пытается доказать, что апостолы славян были правоверными папистами, ср.: *Троицкий С.В.* Апостол славянства св. Мефодий... С. 41.

[37] *Троицкий С.В.* Апостол славянства св. Мефодий... С. 44, 46; *Он же*. Спор старог Рима са новим... С. 36-37.

[38] *Троицки*. Спор старог Рима са новим... С. 34.

[39] *Бенешевич В.Н.* Древне-славянская кормчая XIV титулов без толкований. СПб., 1906-1907 (Leipzig, 1974г). Т. I. Вып. 1-3. С. 97.

[40] *Vaš ica J.* Nomokánon // Magnae Moraviae Fontes Historici. Brno, 1971. Vol. IV. S. 263.14-16.

[41] *Троицкий С.В.* Апостол славянства св. Мефодий... С. 42.

[42] *Бенешевич В.Н.* Канонический сборник XIV титулов со второй четверти VII в. до 883 г. СПб., 1905 (Leipzig, 1974г). Приложения. С. 21, № 147; *idem (ed.)*. Ioannis Scholastici Synagoga L titulorum. P. 176. № 176, 177.

[43] *Троицкий С.В.* Апостол славянства св. Мефодий... С. 46.

[44] Там же. С. 49-50.

[45] *Троицки*. Номоканон св. Мефодия... С. 264.

[46] Там же. С. 265.

[47] В этой связи только ради полноты обзора может быть упомянута направленная против Троицкого статья ватиканского канониста Ивана Жужека, тенденция которой хорошо иллюстрируется фразами: «the Catholic position does not fear the truth», «Greek ecclesiastical imperialists» и подобными, ср.: *Žužek I.* The Determining Structure of the Slavic Syntagma of Fifty Titles // Orientalia Christiana Periodica. 1967. T. 33. P. 139-160, здесь: P. 140, 151.

[48] *Vaš ica J.* Metodějův překlad nomokánonu // Slavia. Roc. 1955. T. XXIV. S. 9-41; *idem*. Nomokánon. S. 205-243.ћ

[49] *Vaš ica J.* Nomokánon... S. 210-211.

[50] *Vaš ica J.* Metodějův preklad nomokánonu... S. 15.

[51] *Vaš ica J.* Nomokánon... S. 212-213.

[52] *Vaš ica J.* Nomokánon. S. 214, ср. idem. Metodějův překlad nomokánonu. S. 23; *Вашица Й.* Кирилло-мефодиевские юридические памятники // Вопросы славянского языкознания. М., 1963. Вып. 7. С. 12-33, здесь: С. 18.

[53] *Vaš ica J.* Nomokánon... S. 215-227; ср.: *idem*. Collectio 87(93) capitulorum dans les nomocanons slaves // Byzantinoslavica. 1959. T. XX. № 1. P. 1-8, здесь: P. 5-8.

[54] *Vaš ica J.* Nomokánon... S. 230-233; ср. *idem*. Collectio 87(93) capitulorum. P. 8.

[55] *Vaš ica J.* Nomokánon... S. 237-241.

[56] Подробнее см.: *Максимович*. Византийская империя; *Maksimovič K.* Byzantinische Rechtsbücher und ihre Bedeutung für die Rechtsgeschichte Osteuropas // Rechtskulturen des modernen Osteuropa. Traditionen und Transfers / Tomasz Giaro, hrsg. Bd. I: Modernisierung durch Transfer im 19. und frühen 20. Jahrhundert. Frankfurt am Main, 2006. S. 1-32. (Studien zur europäischen Rechtsgeschichte. Veröffentlichungen des Max-Planck-Instituts für europäische Rechtsgeschichte, Frankfurt am Main; 205).

[57] Подробнее см.: *Bischoff B.* Über Einritzungen in Handschriften des frühen Mittelalters // Zentralblatt für Bibliothekwesen. April, 1937. Bd. 54, 4. S. 173-177; *Lettenbauer W.* Eine lateinische Kanonessammlung in Mähren im 9. Jahrhundert // Orientalia Christiana Periodica. 1952. Vol. 18. S. 246-269; *Vaš ica J.* Рец. на: *Lettenbauer W.* Eine lateinische Kanonessammlung in Mähren im 9. Jahrhundert // Byzantinoslavica. 1954. T. XV. S. 58-62.

[58] *Vaš ica*. Nomokánon... S. 234, ср.: *idem*. Metodějův preklad nomokánonu... S. 38-41; *Вашица*. Кирилло-мефодиевские юридические памятники... С. 14.

[59] Ср. в этой связи замечание Х.Ф. Шмида: «Schaltet man die durch das Schisma des Photius vorübergehend geschaffenen Verhältnisse aus, so kann keine Rede davon sein, daß im IX. Jhdt. die Zugehörigkeit zum Griechentum und zur Kirche des Ostreiches von vornherein eine gegensätzliche Stellung zum Papsttum und zu den römischen Ansprüchen bedingt hätte» – «Если исключить временные обстоятельства, возникшие в результате Фотиевской схизмы, то не может быть и речи о том, что в IX в. принадлежность к греческому миру и Восточной Церкви автоматически влекла за собой негативное отношение к папству и к римским притязаниям» (*Schmid*. Die Nomokanonübersetzung des Methodius... S. 3).

[60] *Vaš ica J.* Nomokánon... S. 243-363.

[61] *Παπαστάθης Χ.* Τό νομοθετικόν ἔργον τῆς Κυριλλομεθοδιανῆς Ἱεραποστολῆς ἐν Μεγάλη Μοραβία. Θεσσαλονίκη, 1978. Σ. 103, 105, 116, 118.

[62] *Щапов Я.Н.* Номоканон Иоанна Схоластика и Синтагма XIV титулов у славян в IX-X вв. // Beiträge zur byzantinischen Geschichte im 9.-11. Jahrhundert. Hrsg. von V. Vavřinek. Praha, 1978. S. 387-411, здесь: С. 389-390, 407; *Он же*. Византийское и южнославянское правовое наследие... С. 239. Этот взгляд был обоснован С.В. Троицким (см. выше) и позднее воспринят также И. Жужеком, ср.: *Žužek*. The Determining Structure...

P. 144.

[63] *Бенешевич В.Н.* Синагога́ в 50 титулов... С. 210-212; *Щапов Я.Н.* «Номоканон» Мефодия в Великой Моравии и на Руси // Великая Моравия, ее историческое и культурное значение. М., 1985. С. 238-253, здесь: С. 243-246, 251.

[64] *Щапов.* Византийское и южнославянское правовое наследие... С. 44-45; *Он же.* «Номоканон» Мефодия... С. 244-245.

[65] *Щапов.* «Номоканон» Мефодия... С. 245.

[66] *Щапов Я.Н.* Закон Судный Людем и Славянская Эклога. К истории Краткой редакции Закона на Руси // Byzantinoslavica. 1985. Т. XLVI, 1. С. 136-139, здесь: С. 136; *Максимович К.А.* Древнейший памятник славянского права «Закон судный людем»: композиция, переводческая техника, проблема авторства // Византийский Временник. 2002. Т. 61(86). С. 24-37.

[67] *Драгова Н.* Methodiana Juridica. Методиевото наследство в законодателството и в църковното строителство на Балканите // Балканистика. 1987. Кн. 2. С. 197-218.

[68] *Илиевска К.* По трагите на Методиевиот Номоканон // Кирило-Методиевскиот (старословенскиот) период и Кирило-Методиевската традиција во Македонија. Скопје, 1988. С. 43-49.

[69] *Miklas H.* Kyrillomethodianisches und nachkyrillomethodianisches Erbe im ersten ostslavischen Einfluß auf die südslavische Literatur // Symposium Methodianum. Beiträge der Internationalen Tagung in Regensburg (17. bis 24. April 1985) zum Gedenken an den 1100. Todestag des hl. Method / Klaus Trost, Ekkehard Völkl, Erwin Wedel, hrsg. Neuried, 1988. S. 437-471, здесь: S. 444-445.

[70] Любопытно, что объединение НМ с канонами Василия Великого, Феодора Студита и «Древнеболгарского номоканона» присутствует и в Устюжской кормчей, ср.: Maksimovič K. Aufbau und Quellen des altrussischen Ustjuger Nomokanons // Fontes Minores. Frankfurt am Main, 1998. Bd. 10. (Forschungen zur byzantinischen Rechtsgeschichte / Dieter Simon, hrsg.; 22). S. 477-508, здесь: S. 478-479, 482-484; Максимович. ѢКОНѢ СОУДЬНѢИИ ЛЮДЬМѢ. С. 133-134, 138-140, 142-146, 149-151, 152-161.

[71] *Miklas.* Kyrillomethodianisches und nachkyrillomethodianisches Erbe... S. 465, Anm. 45.

[72] *Keipert H.* Doppelübersetzung und Figura etymologica im methodianischen Nomokanon // Christianity among the Slavs. The Heritage of Saints Cyril and Methodius / Farrugia E. G. et al., (ed.). Roma, 1988. (Orientalia Christiana Analecta; 231). S. 245-259, здесь: S. 247, 251, 259. Осторожность Х. Кайперта в признании Мефодия автором НМ объяснима, однако допущение, что Мефодий мог «поручить» (beauftragen) перевод кому-либо, едва ли оправдано. Во-первых, источники не упоминают в Моравии IX в. ни одного знатока греческого языка, кроме Кирилла и Мефодия, а во-вторых, осталось неясным, по какой причине Мефодий, прибывший в Моравию делать переводы, мог уклониться от этой миссии и препоручить важнейшее дело своей жизни кому-то постороннему. Что же касается различий в технике перевода между НМ и евангелиями, то степень участия Мефодия в переводе *древнейшего поддающегося реконструкции текста евангелий*, и тем более в переводе *версий евангельского текста, дошедших до нас*, неясна, а значит едва ли правомерно рассматривать этот текст как эталон. Наконец, следует безусловно иметь в виду, что жанровое своеобразие НМ по сравнению с Новым Заветом вполне допускает использование различной техники перевода.

[73] *Ibid.* S. 249, 251.

[74] *Цибранска-Костова М.* Формиране и развитие на старобългарските лексикални норми в църковноюридическата книжнина. София, 2000.

[75] Сербский Номоканон издан факсимиле в 1991 г. по древнейшему сербскому списку («Иловицкая кормчая») 1262 г.: Законоправило или Номоканон Светога Саве. Иловички препис 1262. година. Фототипија. Приредио и прилоге написао М.М. Петровић. Београд 1991. (Zakonopravilo or The Nomocanon of Saint Sava. The Ilovica Manuscript from 1262. Photoprint reproduction. Edited and Appendices written by M. M.Petrović. Belgrade, 1991). Научное критическое издание памятника до сих пор отсутствует.

[76] *Цибранска М.* Правилата на апостолите Петър и Павел в Устюжская кормчая от XIII-XIV в. (Към проблемите на Методиевия номоканон) // Старобългаристика. 2003. Т. 27. № 1. С. 37-52.